

РЭЙ ХАРТ

ЖЕЛТОК
В ПЫЛИ

18+

Рэй Харт

Желток в пыли

<https://litres.ru/74571657>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать пять лет. Три работы. Слепая бабушка с палкой. Дядя-алкоголик, который забирает каждую копейку. Детдом за спиной. И один короткий путь - смена, дом, магазин, снова смена.

Леа давно не ждёт от жизни ничего хорошего. Она просто идёт вперёд - усталая, голодная, в куртке, которую давно пора выбросить. Пока однажды утром, на скамейке возле дома, рядом не садится незнакомый парень в чёрной толстовке. Он не говорит красивых слов. Не обещает спасти. Просто молчит рядом - и почему-то именно это оказывается важнее всего.

История о девушке, которая выживала, потому что не умела по-другому. О доброте, которая приходит без лишних слов. И о том, что даже треснувшая жизнь может однажды светиться - как желток в пыли.

Рэй Харт

Желток в пыли

Глава 1

Я быстро шла с ночной смены, перед этим заглянув в круглосуточный магазин. Хорошо, что сегодня день зарплаты, продуктов в холодильнике почти не осталось. Работала на пельменном заводе «Вкусный деликатес», фасовала полуфабрикаты и колбасу. Пельмени под зарплату давали раз в несколько дней, но есть их я уже не могла: они комом ложились в желудок и не переваривались несколько дней. Особенно после того, как узнала, что в чашу с фаршем в ночные смены попадают крысы, и там всё мясо перемалывалось в фарш. Запах этого жирного месива с ароматом крыс навсегда въелся в мои волосы и кожу.

Я села на скамейку возле соседнего дома, мой пакет наклонился и упал, порвавшись сбоку, продукты рассыпались на землю. Упаковка яиц раскрылась, и несколько из них разбились. Я не стала поднимать, просто наблюдала со стороны, как желток растекается по пыли, и это было самое яркое пятно моей жизни. Думала, что я так же треснула пополам в своей скорлупе, и жизнь постепенно покидала моё худое тело. Сил больше не оставалось.

В двадцать пять лет я имела две работы и подработку.

Ночные и дневные смены на заводе, вечером обслуживала столики в кафе, а по выходным, я драила полы в школе, в которой когда-то училась целых одиннадцать лет. Я иногда ненавидела швабру и эти классы, где одноклассники дразнили меня за то, что нет родителей и одета как бомжиха.

Я никогда не была в отпуске и не позволяла оставить себе хотя бы часть зарплаты. Моя родная бабушка, Нина Сергеевна Макарова, мама мамы, которая забрала меня из детского дома в шесть лет, забирала все деньги и отдавала своему сыну, моему дяде Коле, а тот пропивал всё до копейки.

Сама бабушка Нина Сергеевна, ослепла на оба глаза десять лет назад и всё это время ходила с палкой по квартире. Громко шумела, обивая извёстку от стен, этим раздражая наших соседей снизу. Я кормила бабушку, готовила, стирала и убиралась в квартире. Дядя Коля жил в однушке неподалёку, но практически всегда торчал у нас. Я и сейчас понимала, что он у бабушки, ведь сегодня день зарплаты; дядя всегда знал, когда в доме появляются деньги. Сейчас мне до тошноты не хотелось идти домой.

Но у меня хотя бы была своя комнатка, а бабушка спала в большом зале с телевизором и диваном. Мы жили в двухкомнатной квартире на пятом этаже старого дома без лифта. Как бабушка ослепла, так больше никогда не выходила на улицу, сколько бы я не уговаривала её прогуляться вместе. Она всё время носила старый засаленный халат в оранжевый цветочек, который со временем стал почти земляного цвета.

Я помню как купила ей новый, но она сильно ругалась и метнув в меня железной кружкой, заставила отнести халат назад в магазин. На ногах она носила шерстяные носки связанные много лет назад и чёрные галоши.

Соседи с четвёртого этажа, молодая пара с новорождённым ребёнком, часто приходили жаловаться на крики и бесконечный стук бабушкиной палки доносящийся из нашей квартиры. Но шум никогда не прекращался, так как дядя Коля громко пел песни, когда напивался.

Я знала, что бабушка ненавидит меня, она часто говорила, что это я виновата в смерти её единственной дочери, ведь та умерла, когда рожала меня. Сразу же после смерти жены, отец отдал меня в детский дом номер тринадцать и женился во второй раз. Я до сих пор не знаю, где он, жив ли ещё; он никогда не писал и не звонил нам.

Я всё ещё сидела на лавочке у соседнего дома и достала из серой ветровки пачку сигарет. Моя куртка была слишком старая, и молния на кармане давно не работала. В пачке осталась одна сломанная сигарета, там же лежала дешёвая пластиковая зажигалка.

Курила я нечасто, пачки хватало на несколько месяцев, затягивалась только в такие моменты, когда понимала, что больше не выдержу. Бабушка легко вынюхивала дым, и мне доставалось пуще прежнего, но сегодня я понимала, что из-за перегара дяди Коли, она может не заметить мой запах.

Я оторвала поломанную часть сигареты, и кусок без филь-

тра оказался больше по размеру. Дешёвую упаковку, смяла и бросила точно в урну. Подкурить удалось лишь с третьей попытки, ветер тушил пламя.

Мои руки слегка подрагивали. Весна в самом разгаре, но утром, а сейчас было начало шестого, оказалось прохладно для моей лёгкой одежды. Вчера вечером прошёл крупный дождь, и дорога облепила всю мою обувь кусками глины; продукты, упавшие из пакета, тоже испачкались.

Я сделала затяжку и закашлялась, дым непривычно обжёг лёгкие. В это время кто-то подошёл, я даже не подняла головы. Подошедший аккуратно сложил мои продукты в пакет и связал его края, чтобы они больше не вываливались. Потом сел на ту же скамейку, хотя рядом стояли ещё две такие же. Боковым зрением я заметила большие наушники, висящие на шее, и широкий капюшон чёрной толстовки.

Это парень. Совершенно незнакомый, и в этом нет ничего странного, я ни с кем нормально не общалась после того как закончила школу. Иногда разговаривала с тётей Валею на фабрике, с вахтёршей в школе и с администратором кафе, где работала, - вот и все собеседники. У меня даже мобильного не было. Бабушка говорила, что это лишние траты, есть же стационарный телефон в квартире.

Парень сидел рядом и молчал, молчала и я. Удивительно, но для меня эта тишина не казалась тяжёлой или напряжённой. Скорее успокаивающей. Приятно просто с кем-то посидеть рядом и не испытывать при этом чувство досады или

вины. Но в конечном счёте, вину перед ним я всё-таки ощущала. Почему я его не предупредила? Разве я хотела, чтоб кому-то стало так же паршиво как и мне?

Докурила и, затушив окурок о поношенные ботинки, облепленные грязью, отправила его в урну. Терпеть не могла беспорядок, даже на улице. Потому что знала цену чистоте, об этом свидетельствовали мои мозоли на руках. Вздохнула:

- Вот ты мне доброе дело сейчас сделал, а я тебе подлость.

- Не понял? - переспросил парень, поворачиваясь в мою сторону.

Капюшон с кепкой закрывали почти всё лицо, невозможно рассмотреть как он выглядит.

- Скамейка со свежей краской, я влипла десять минут назад.

Встала, и действительно куртка и чёрные джинсы оказались в ярко-зелёных полосках. Вся одежда теперь безвозвратно испорчена, хотя ещё хуже она от этого не стала.

- Вот чёрт, придётся так ходить, ни один растворитель не возьмёт эту эмаль.

Парень молчал. Я взяла пакет и направилась в сторону своего дома.

- Эй, - окликнул он меня. Я не обернулась, но едва замедлила шаг. - Я знал, что скамейка покрашена. Ведь сам утром её красил.

- А зачем тогда сел на неё? - Я обернулась. Лица по-прежнему не видно.

- Чтоб составить тебе компанию.

- Ну и дурак, у тебя одежда такая хорошая. Жалко.

Развернулась, и пошла домой. Ноги после ночной смены с трудом подняли на пятый этаж. Дверь оказалась закрыта, но не на замок. Точно, дядя Коля уже ждёт. Принесла наконец деньги.

Он сидел на кухне и курил самокрутку, хотя я много раз просила выходить на балкон. Косматые волосы до плеч, такие же брови в кучу, крупный рыхлый нос и неизменная клетчатая синяя рубашка, которая стала уже тёмно-серого цвета от грязи и пота, вот как он обычно выглядел.

Я разложила продукты по ящичкам кухни, остальное закинула в холодильник. Пачку пельменей с фабрики засунула в пустую морозилку. Я всегда с каким-то странным удовольствием наблюдала, как дядя Коля варит пельмени и вылавливает их в большую алюминиевую чашку. Втайне, да и по-глупому я радовалась, что он ест фарш с добавлением крысиного мяса.

- Принесла паршивку?

- Да, я всё отдам бабушке.

И побрела в её комнату. Нина Сергеевна лежала на своём диване, но не спала: глаза закрыты, рука нетерпеливо барабанит по карману халата. Как обычно, я сунула ей деньги. Ба без лишних слов положила сверху руку и пощупала.

Я пошла к себе в комнату, обронив:

- Посплю пару часиков и приготовлю поесть.

Бабушка ничего не ответила и даже не открыла глаза, которые, вот уже десять лет были затянуты катарактой.

В моей комнате одиноко стояли железная кровать с прова-
ленной сеткой, фанерный письменный стол и шкаф без две-
рей.

На облупившемся подоконнике, я держала один цветок:
отросток фикуса, который стащила ещё в школе, и он при-
жился в банке из-под подсолнечного масла. Несмотря на то,
что был посажен в обычную землю с улицы.

Я сняла одежду и с грустью осмотрела джинсы и куртку:
испорчены безвозвратно. Если на куртке не так сильно за-
метно, то чёрные джинсы сзади, на попе, были все в зелёную
полоску. Подумала, что нужно и спереди сделать такие же,
но быстро выкинула эту мысль из головы.

Пусть. Так буду ходить. Всё равно никто не обращает на
меня внимания, а бабушка слепа, она не узнает. Хотя раньше
за такое отлупила бы ремнём.

Я легла под шерстяное колючее одеяло без пододеяльника
и устало закрыла глаза. Вспомнила наушники парня, хоро-
шие и дорогие, такие я никогда в руках не держала. И вооб-
ще музыку слушала только в кафе, которая повторялась из
вечера в вечер, и иногда играла на старом пианино в школе,
когда мыла там класс музыки. Бабушка по телевизору всегда
слушала новости и не включала музыкальные каналы. Её те-
левизор, хоть ламповый и старый, но она даже дяде Коле не
давала его унести и пропить.

Вскоре уснула. Птицы за окном давно начали своё пение. Скоро новый день, нужно заниматься домашними делами перед сменой в кафе.

Глава 2

Проснулась от привычного стука. Веки не хотели подниматься – так мало спала после ночной смены. Но бабушка уже требовала завтрак: подошла к двери и стучала палкой.

- Спишь, бездельница. Есть хочу.

- Иду, ба.

Я поднялась, натянула старые спортивные штаны с дырками в карманах – любила их за то, что через дырявый карман можно свободно чесать ногу. Отправилась на кухню.

Дядя Коля уже ушёл. Пельмени съел все до одного, и как обычно посуду за собой не убрал. Поставила воду в кастрюле – чайника у нас давно не было. Вода вскипела, залила заварник, потом начала готовить кашу. Сегодня гречневая, с тёмным хлебом и кусочком масла. Настоящий пир. Хорошо, что я зашла и купила продукты, прежде чем отдать деньги.

Бабушка ела в своей комнате, держа тарелку на весу. Кусок хлеба прятала в карман, откусывала и жевала передними зубами – коренные давно выпали. Я положила гречки и себе, налила в стакан чай. Сахар забыла купить, а денег больше нет: зарплата в кафе только на следующей неделе.

И как бабушка узнавала, сколько точно я зарабатываю?

Дядя Коля, настоящий шпион - всё вынюхивал и ей доклады-вал. Ему было под пятьдесят. Жена давно бросила и уехала к себе в деревню, двое детей знать не хотят. Вот он и остался со своей матерью. Нигде никогда не работал, живёт за счёт бабушкиной пенсии и моей зарплаты.

Что-то сегодня еда совсем не лезла в горло. Я вывалила гречку обратно в кастрюлю и начала мыть посуду. Слышу - бабушка доела и гремит палкой.

- Краской от тебя несёт, - фыркнула она.

- Да, рядом с домом скамейки красили. Зелёные теперь. Краска едкая оказалась.

- Чёрт знает что. Зелёный. Зачем это? Коричневые раньше были лучше.

- Они были коричневые много лет подряд. Теперь пусть побудут зелёные. Любые перемены радуют.

- Меня ничего уже не радует, - пробурчала Нина Сергеевна. - Денег почему меньше принесла?

- Я продукты купила. Молоко. Ты же любишь.

- А чего не налила мне?

- В обед хотела суп молочный сварить, перед уходом на работу.

- Не хочу суп, надоел. Неси молоко.

Я вернулась на кухню и поняла, что дядя Коля уже выпил пол-литра молока - видимо, запивал им пельмени. Вылила остатки в кружку и отнесла бабушке. Она откусывала оставшийся хлеб из кармана и запивала молоком. Несколько ка-

пель упали ей на морщинистый подбородок, я хотела вытереть, но тут же передумала.

- Телевизор включить?

- Я что, в тишине должна сидеть? Включай, первый канал.

Включила и вернулась на кухню. Мне тоже хотелось выпить молока, но его не осталось. Допила чай без сахара. Убрала на кухне, начала мыть и подметать в доме. Через сорок минут ушла в ванную, там всё вымела и приняла душ перед работой, надеясь, что вонь пельменной фабрики смоется мылом с ароматом ромашки. Бабушка только такое одобряла.

Вскоре вышла из душа.

- Льёшь и льёшь воду, словно я миллионерша, - ворчала она.

- Я волосы мыла.

- Отрезать их надо.

Волосы у меня были каштановые, выющиеся, почти до пояса - как у мамы. Я на старых фотках видела: очень на неё похожа. Поэтому бабушка и забрала меня из детдома - поначалу я напоминала ей умершую дочь. Но вскоре она поняла, что характером я совершенно другой человек: не мягкий, как её Света, не покладистый. Бабушка замечала, что я ленивая и неблагодарная и должна отдавать ей все деньги, потому что живу в её квартире и она меня сюда прописала.

- Обед когда?

- Через час. Что хочешь?

- Картошку. Свари просто и с маслом рыжиковым.
- Посмотрю, если оно есть.
- Надо было купить.

До работы оставалось несколько часов, как раз волосы успеют высохнуть. Почистила картошку и поставила варить в эмалированной кастрюле - наверное, в ней ещё мама бабушки готовила, вся отбитая по краям. И крышка с пробкой, чтоб не обжигать руки. Картошки оказалось мало, на одного человека. Перевернула кастрюлю верх дном, чтоб все кусочки упали в бабушкину тарелку. И масла всего чайная ложка оставалось, я очень любила аромат рыжика. Маслянистый и терпкий. С трудом запихнула в себя одну оставшуюся картошину. Покормила бабушку и отправилась на смену в кафе.

- Буду к двенадцати.

Нина Сергеевна, по своему обыкновению, ничего не ответила.

Накинула куртку, джинсы и заплела волосы в одну косичку. До работы полчаса ходьбы - как раз к пяти успеваю.

Администратор Марина встретила меня с привычным смехом.

- Леа, что за полосатый колорадский жук? Ты где так вляпалась? Или это мода сейчас такая?

Она сверкнула рядом желтоватых зубов от постоянного курения.

- Скамейку красили рядом с домом, я села. Почти незаметно.

- Ага, не заметно. Вот умора. Ладно, переодевайся в форму, люди уже ждут.

Я повесила куртку на крючок, надела рубашку и фартук. Вышла в зал.

Человек семь сидели - все постояльцы. По привычке уже не записывала, ведь хорошо запомнила все заказы. Но блокнот всё равно держала с ручкой в руках: так посетители меньше переживали, что им что-то не принесут. Обслужила людей быстро и вернулась в подсобку. Там уже неизбежно копилась гора грязной посуды, которую мне предстояло перед уходом помыть.

- Леа, там тебя спрашивают, - крикнул бармен, заглядывая в подсобку.

Бармен Серёга - хороший парень, правда рыжий как кот, с кучей веснушек по всему лицу. Он давно как-то пытался за мной ухаживать, но когда понял, с кем я живу, почему-то резко передумал, и больше не проявлял ко мне никакого интереса.

Я поправила фартук и вышла. Оглядела зал и сразу же заметила нового посетителя: чёрная толстовка с большими наушниками. Тот парень со скамейки.

Серёга кивнул в его сторону. Я достала из кармана блокнот и подошла к пятому столику.

- Здравствуйте, что будете заказывать?

Незнакомец снял капюшон и поднял на меня лицо. Он ещё не переоделся: так же как и я ходил в испачканной крас-

кой кофте и джинсах.

Глава 3

Глаза тёмные, шрам на брови, прикрытый волосами. Нос прямой, губы поджатые. Не местный - никогда его здесь не видела. Явно городской.

- Что будете заказывать? - повторила я.

- А что у вас самое вкусное?

Хотелось сказать: ни-че-го. Потому что это было правдой. Я давно удивлялась, как кафе с поэтичным названием «Весна», могло подавать редкостную гадость. Наш повар Федя - просто ленивый грязнуля, который так и норовил распустить руки.

- Шашлык, кофе, лаваш с овощами.

Первое, что пришло мне в голову.

- Тогда всё это, пожалуйста.

Я развернулась и отправилась на кухню. Он сказал мне «пожалуйста». Местные так никогда не говорят. Точно приезжий. Одежда хорошая, хотя теперь тоже испорчена краской, и телефон дорогой лежал на столе.

Федя рывкнул, что шашлык придётся подождать. Кивнула и вышла. Не любила с ним долго оставаться наедине. В свои сорок пять он выглядел на все шестьдесят. И я бы ни за что стала есть еду, приготовленную его руками. Под ногтями постоянная грязь, и вдобавок, Федя часто сморкался прямо в свой фартук.

Сообщила клиенту, что придётся немного подождать. Он просто кивнул.

Гости сменялись. Пятница, но в зале не так много народа, как обычно, - значит, и зарплата пострадает. Досадно. Хотела отложить на кроссовки к лету.

Я относила на кухню грязные тарелки и иногда успевала помыть несколько штук, чтобы не задерживаться вечером. Наконец Федя пожарил мясо. От запаха непроизвольно затошнило - видимо, навсегда останусь вегетарианкой после работы в пельменном цехе.

Когда вернулась в зал, с досадой увидела, что свой привычный столик у окна заняли мои бывшие одноклассники. Неизменная троица: Лёшка, Стас и Миша. В школе первые двое, дразнили меня до самого выпускного, и теперь раз в несколько недель заявлялись в «Весну» - подшутить и побалагурить. Видимо не так легко избавиться от старой привычки.

Отдала заказ приезжему и подошла к парням. Незнакомец сказал «спасибо» - и я ненадолго опешила. Воспитанный.

- О, Лианка. Дарова. Как жизнь молодая? - крикнул Лёшка слишком громко.

- Привет, ребята. Всё хорошо. Что принести?

- Что обычно. Пиво, орешки. И побыстрее давай, мы то-ропимся.

Лёшка и Стас заржали в голос, когда я повернулась к ним спиной и они заметили мои запачканные в краске джинсы.

- Это что, Лианка? Новую моду в нашем посёлке вводишь?

Я промолчала. И самой стало обидно: единственные более-менее приличные джинсы сама по глупости испортила. Вот дура. Теперь так до самого лета ходить.

Принесла им пива и закуски.

- Идёшь завтра на дискотеку в клуб? - спросил самый тихий из компании, Миша. Он никогда меня не дразнил. Интересно почему?

- Нет.

- Куда она пойдёт в субботу. До ночи нашу любимую школу драит.

Я стиснула зубы. Так захотелось резко отрезать: что не живу на шее своей семьи, а честно зарабатываю. Даже если таскаю половую тряпку с ведрами.

- Жаль, - обронил Миша.

- Ступак, ты что, опять?

Ступинков - это фамилия Миши. Он никогда меня не задирал в школе, и в кафе всё больше помалкивал. Смотрел на меня так странно, что иногда у него краснели щёки. А вот Лёшка и Стас - ещё те бандиты. Лёшке папа купил джип, когда тот вернулся из армии. Я ещё удивилась, как его не отмазали от службы. И теперь они втроём разъезжали по нашему посёлку и кошмарили местных громкой музыкой.

Парни пили пиво из высоких стаканов и хрустели кириешками. Я мельком бросила взгляд на столик незнакомца. Тот ни к чему не притронулся и, кажется, подслушивал мой

разговор с ребятами. Зря видимо Федя так пыхтел и старался.

Новых гостей больше не было. Я вернулась на кухню, мыть посуду. Маринка заглянула ко мне.

- Кто этот паренёк?

- Ты про кого? Это мои одноклассники, часто здесь бывают.

- Да нет же, про того, с наушниками.

- А я откуда знаю.

Я дёрнула плечами, и вода с пеной брызнула на рубашку. Вот растяпа.

- Тогда почему он тебя позвал?

- Без понятия, Марин.

- Ага. Так я тебе и поверила. Он когда на улицу выходил, я сразу увидела - у него такие же зелёные полосы на одежде. Вы что, на одной скамейке сидели?

Она хитро прищурила глаза.

- Там несколько скамеек покрасили. Ему тоже не повезло, - вздохнула я и отвернулась к грязной посуде.

Подумала: почему он не переоделся в чистое? У него наверняка не один комплект одежды, как у меня. Да мне всё равно. Поскорее бы домой, спать так хочется.

- Леа, тут тесто осталось дрожжевое, заберёшь? -отозвался Федя.

- Да, - я кивнула.

Бабушке напеку пирожков. Но вот с чем только? Глаза тут

же нашарили полкочана свежей капусты на его рабочем столе.

- Можно и её возьму?

Федя посмотрел, увидел, что прошу.

- Капуста под зарплату пойдёт. Дорогая она, сейчас не сезон.

- Хорошо.

Бабушка любит пирожки с картошкой, но сегодня я последнюю сварила. Ничего, с капустой тоже в самый раз. Только бы дядя Коля не успел их забрать на закуску.

Новых гостей в кафе так больше не было. Одноклассники ушли. Незнакомец тоже. Оставил мне тысячу рублей чаевых, так Марина мне сообщила. У меня чуть челюсть не отвисла: в этом кафе никто лишних двух рублей не давал, а тут целая тысяча.

Я с горящими глазами запихнула купюру в карман джинсов. И весь оставшийся час, пока домывала посуду, она согревала мне бедро. Я думала, что в секонд-хенде смогу купить на них кроссовки - мои старые совсем развалились, подошва оторвалась, сколько бы я её ни клеила.

Помыла всю посуду, переоделась и вышла в ночь. Без двадцати двенадцать. Сколько я себя помню, у нас в посёлке горело всего несколько фонарей: один у «Весны», один у пятёрочки, ещё один у школы и последний у администрации. Запихнула капусту и тесто в пакет и пружинистым шагом отправилась домой.

Настроение было лучше, чем днём.

Глава 4

После кафе - ни одного фонаря. Темно хоть глаз выколи. Многие уже легли спать и выключили свет. Но дорогу я знала как свои пять пальцев.

Сзади хрустнула ветка. Я резко обернулась. Никого не могла разглядеть в кромешной темноте. Но спиной чувствовала: кто-то смотрит. Да кому я тут нужна. И опять пошла дальше.

Бабушка будет волноваться, что так поздно. И дядя Коля наверняка уже выклянчил у неё деньги и напился в стельку.

Иду дальше. Навстречу машина. И громкая музыка. Только эти парни позволяли себе так вести. У Стаса отец работал участковым в нашем посёлке, и они могли, даже выпив пива, разъезжать на машине по неосвещённым улицам.

Остановились возле меня. Я сжала от досады пакет. Глаза у всех красные. Видимо, заезжали в круглосуточный магазин и взяли что-то покрепче пива из «Весны».

- О, опять Лианка. Ты что у нас под ногами крутишься? Соблазняешь? - заржал Лёшка.

- Я домой спешу. Меня бабушка ждёт.

- Твоя бабушка только гроб свой ждёт, - бросил Стас и загоготал.

Я злобно зыркнула на него.

- Не говори так.

- И что ты нам сделаешь? - Лёшка рассмеялся. Он сидел за рулём и газовал на педаль.

- Отстань от неё, - слышалось с заднего сиденья. Это Миша. Голос приглушённый, но твёрдый.

- Что? Тили-тили тесто, жених и невеста! - закричал Лёшка.

Но все в школе знали: Мишку он на самом деле побаивался и никогда не вступил бы с ним в открытую драку. Потому что Мишка был крепче и выше Лёшки.

- Ладно, ладно. Надоела она мне. Поехали. Я шаурму хочу, мамка приготовила, едем парни, - бросил Стас и наконец отвернулся от меня.

Лёшка ещё несколько раз газанул на педаль своего джипа и рванул с места.

Мы с Мишей пересеклись взглядом. Неужели ему было стыдно за поведение своих дружков? Меня всегда удивляло, почему он с ними водится. У него папа самый главный в нашей администрации и дружил с отцами Лёшки и Стаса. Видимо, из-за этого и они не разлей вода.

Когда звук мотора стих, я опять услышала, сзади себя шорох гравия. Но сколько бы не пыталась, так никого и не разглядела.

Поспешила домой.

И подходя к знакомым зелёным скамейкам произвольно показала им язык и хотела пнуть. Но не стала. Парень-то

старался. Ведь он не виноват, что я от усталости не заметила, что они покрашены. А ещё целую тысячу мне оставил. Ладно, пусть будут зелёные. Как раз мой любимый цвет.

С пятого этажа до четвёртого тянулся знакомый запах алкоголя. Бедные наши соседи.

Дядя Коля в стельку пьяный валялся в коридоре, дверь в квартиру была приоткрыта. Пузо голое, на трениках лопнула резинка, они сползли, показывая грязные полосатые трусы-семейники. Я перепрыгнула через него и пошла на кухню. Рюмки повсюду и крошки от еды. Его дружки тоже приходили.

Открыла холодильник. Конечно, сожрали всё, что я купила сегодня утром. Вот подлецы.

- Ба, я дома.

- Что так долго? Век не дождёшься. Есть хочу. Коля где?

- В прихожей лежит.

- Подними его и отведи на диван мой.

- Я не дотащу, он тяжёлый.

- Быстро сделала, я сказала. Смотри, какая принцесса.

Пришла под самую ночь, неизвестно где шлялась, и родного дядю не может уложить спать.

Я вздохнула. Потянула пьяного дядю Колю за руки в бабушкину комнату. Он что-то невнятное говорил и начинал петь песни. Когда открывал рот, оттуда шла такая вонь, что меня тут же затошнило.

С трудом приволокла его в комнату. Подняла сначала

нижнюю половину - с грязным, одним вонючим носком на ноге, - а потом и остальное вялое тело.

- А где ты будешь спать? - спросила я бабушку.

- В кресле посижу, не твоя забота. Он мой сын. Тебе этого не понять.

Конечно, я никогда этого не пойму, подумала и пошла на кухню. Там залпом выпила стакан воды из-под крана и начала шинковать капусту. В корзине нашла маленькую морковь и луковицу. Начала жарить капусту. Тем временем раскатала тесто и принялась за пирожки.

К двум ночи они уже были готовы.

- А молоко где? Вылакала всё, - пробурчала бабушка, откусывая горячий пирожок.

- Дядя Коля выпил, - ответила я. - И все продукты, что сегодня купила, со своими собутыльниками съели.

- Поговори мне тут ещё. Он здесь хозяин, а ты приживала и нахлебница. Радуйся, что он тебя из дома не попёр.

Я молча ушла на кухню. Пирожки не лезли, хотя всю дорогу о них мечтала. Укутала остатки полотенцем, почистила зубы и ушла в комнату.

Там без сил разделась и улеглась в кровать.

Кто же этот парень с наушниками, откуда он? У нас новичков в посёлке практически не бывает. Молодёжь наоборот - все в город уезжают, потому что тут нет нормальной работы и развлечений, кроме «Весны» и единственного старого клуба с субботними дискотеками.

Но сил думать об этом больше не осталось. Вымоталась. А завтра - идти мыть классы в школе.
Надо спать.

Глава 5

Утром сварила овсяную кашу на воде и принесла бабушке с пирожками и кружкой чая. Она так и ночевала в своём кресле, а сейчас слушала новости по телевизору. Дядя Коля всю ночь храпел и разговаривал. Бабушка совсем не выспалась и была злее обычного: разлила чай намеренно и чуть не разбила одну из трёх глубоких тарелок, что остались в этой квартире.

Помыла за ней полы и ушла стирать. Накопилось за неделю. Попробовала отчистить куртку и джинсы - краска присохла намертво. Стирала прямо в ванной: машинка давно сломалась и теперь просто стояла и занимала место. Развесила всё в ванной и сварила постный суп с остатками капусты. Без картошки.

Подаренную тысячу спрятала за плинтус, но побоялась, что крысы её сгрызут, - положила в книгу со сказками, которую мне подарил мальчик ещё в детдоме. Эту единственную вещь, я взяла в свою новую жизнь, когда меня забрала бабушка. Надеюсь, дядя Коля там искать не будет. Он и книги-то в жизни в руки не брал, разве что когда заканчивались сигареты и он крутил из листов самокрутку.

Взглянула на часы в бабушкиной комнате, уже скоро нужно выходить на работу в школу. Прилегла на полчаса отдохнуть, но бабушка позвала - нужно разбудить дядю Колю, чтоб он поел. Тот еле разлепил один закисший глаз и пробурчал:

- Мам, денег ей дай, пусть сбегает в ларёк. Мне опохмелиться надо.

Я ненавидела это. Больше, наверное, даже чем то, что он пьёт без просыху. Так было стыдно покупать водку, хотя тётя Лариса из ларька наверняка и так знала, что я не себе беру.

Оделась и вышла. Бабушка сунула мне двести рублей из моей же зарплаты. Ни больше ни меньше.

- А на продукты?

- У нас всё есть, - отозвалась она недовольно.

Благо ларёк находился недалеко от дома, быстро вернулась. Дядя Коля тем временем, доел всю овсянку и ждал выпивку.

Мне уже нужно было собираться на работу в школу. Когда училась, то не очень любила это место. Были моменты, о которых я не хотела вспоминать. Например, родительские собрания, когда за меня так никто и не приходил - узнать, как учусь, как успеваемость. Бабушка даже не знает, что школу я закончила без троек. Но теперь, когда всё позади, я любила там бывать, когда нет учеников, школа становилась совсем другой. Тихой и уютной, там я чувствовала себя спокойно, хоть это длилось всего несколько часов.

Дорога занимала двадцать минут быстрым шагом. Тучи затянули всё небо. Я в спешке забыла свой старый зонтик - точнее, бабушкин, уже старомодный в фиолетовый мелкий цветочек.

Показалось красное двухэтажное старое здание. Зашла в фойе, привычная тишина. Занятия на сегодня давно закончились. Вахтёрша Лариса Ивановна дала мне ключи от кабинетов, которые я обычно убирала. Взяла цинковое ведро и деревянную старую швабру и поднялась наверх. Всегда начинала убирать со второго этажа. Сначала, конечно, кабинет музыки - мой любимый. Ведь там я научилась играть на пианино. Моя учительница, Вера Николаевна, проявляла ко мне скорее жалость, чем участие, и позволяла на переменах приходить сюда и играть по нотам.

Села за стул, открыла пианино. Но, не дотронувшись до чёрно-белых клавиш, закрыла крышку и начала драить полы. Краска на полу старая, облупившаяся. Летом должны покрасить в привычный красно-коричневый цвет.

У меня было двенадцать кабинетов. Остальные мыла вторая техничка, которая была здесь каждый день, а не только по субботам, как я.

Закончила с кабинетами и на энтузиазме помыла весь коридор второго этажа. Думаю, Марии Ивановне, второй техничке, будет приятно. Она всё-таки женщина в возрасте, и ей не так легко таскать ведра с водой на второй этаж.

Затем спустилась на первый. Там у меня было три началь-

ных класса и кабинеты биологии и химии. Закончила всю уборку за три с половиной часа. Спина ныла и вся покрылась потом, волосы прилипли ко лбу. Но я любила это занятие - оно позволяло не думать. Пока цветы польёшь на подоконниках, пока поднимешь стулья на парты. Иногда дополнительно протирала грязные доски от мела. Наверное, потому что не хотела возвращаться домой. Дядя Коля там уже наверняка опохмелился и заблевал весь бабушкин диван.

Я перекинулась парой слов со старой вахтёршей, помыла руки и вышла. Уже начало темнеть, девять вечера. Пока находилась в школе, прошёл небольшой дождь. Земля приятно пахла влажностью, я жадно втянула её ноздрями.

Домой идти совершенно не хотелось. И ноги понесли меня к железной дороге - она была в семи минутах ходьбы. В школьные годы, я любила сюда приходить, пока однажды мою одноклассницу Лену не сбил товарный поезд. Все говорили, что она шла по рельсам в наушниках, слушала музыку и не слышала, как машинист ей сигналил. Но я знала: не в этом была истинная причина. Её отец не по-хорошему распускал руки. И Ленка - а мы с ней даже начинали немного дружить - больше не выдержала. Она мне рассказывала такие страшные вещи, что жизнь с дядей и бабушкой тогда мне казалась не такой уж и плохой.

Прошла вечерняя электричка из города. Народа мало в освещённых окнах. Все постепенно стали забывать наш посёлок.

А я? Я всю жизнь здесь так и проживу? И никогда не увижу океан? Кто же знает. Но я не могу оставить бабушку. Без меня она умрёт с голоду. Ведь дядя Коля никогда не позаботится о своей матери.

Издалека увидела высокую тёмную фигуру, которая шла прямо по рельсам. Переставляла ноги, держа руки в карманах. Хорошая координация движений - у меня никогда такой не было. Фигура постепенно приближалась. Я не уходила, продолжала сидеть на камне возле рельсов и наблюдать.

Кепка, капюшон, наушники. Опять он! Приезжий парень. Беспечно идёт по рельсам, а сзади уже блестят огни товарного поезда.

Тут же кричу ему. Он даже головы не поднял, идёт неспеша, переставляя ноги. Неужели такие хорошие наушники, что не пропускают звук?

Подскочила на ноги. Между нами шагов двадцать - должна успеть. Или он сам всё-таки увидит огни фар сзади. Нет, я не могу так рисковать. После всего, что произошло с Леной, не смогу просто стоять и наблюдать. Я до сих пор помню, как её хоронили в свадебном платье, и одна сторона была прикрыта кружевным белым платком. Поезд снёс ей половину лица. Если бы я в тот раз оказалась рядом, то могла бы её спасти.

К горлу подступила тошнота, и я больше не теряя времени рванула с места. Кричала пока бежала, но этот псих, судя по всему, действительно ничего не слышал. Я дёрнула его за

рукав кофты испачканной в зелёной краске в самый нужный момент. Поезд едва нас не задел. И мы кубарем полетели в овраг с камышами. Я всем своим телом пересчитала самые большие кочки.

Ну всё, конец и моей единственной куртке. Кажется, я порвала её об камни.

Парень ошарашенно уставился на меня. Глаза как два пятака блестят в освещённой фонарями темноте. Ресницы тёмные, длиннющие, как у девчонки. Мне таких увя не досталось по генам. От его учащённого дыхания пахло мятной жвачкой. Мне тут же захотелось её, рот наполнился слюной.

- А ну слезь с меня! - рывкнула я и толкнула его в грудь.

Он придавил меня своим туловищем, и мы лежали в канаве с камышами. Парень вскочил так резко, что я невольно похвалила его скорость. Оторопело снял наушники и протянул мне руку. Я не взяла её, поднялась сама, начала отряхивать мокрые и грязные джинсы.

- Каждый раз, когда мы встречаемся, я порчу свою одежду! Ты дурак? Кто ходит по рельсам в наушниках? Поезд! Он тебя чуть пополам не разрезал.

Приезжий сначала тупо уставился на меня, а затем перевёл взгляд на последний вагон товарняка. Машинист всё ещё недоволен нам гудел. Бедняга, видимо испугался сильнее нас.

Я попыталась отряхнуть куртку, но она была окончательно испорчена: мазут никогда не отстираешь, а в этой канаве

его полно. Что ж, поделом.

- Спасибо, - пробормотал парень, скидывая капюшон.
- Ага, - буркнула я.- Тебе жить надоело?
- Я не специально. Задумался немного.
- Задумался он. А если бы я не успела?

Парень потянул меня за куртку и крепко обнял. Никто и никогда меня так не прижимал к себе. Помню, в детдоме дружила с одним мальчиком, он часто меня обнимал и всё время держал за руку. Он то, как раз и подарил, мне ту самую книжку со сказками, где я спрятала щедрые чаевые. С тех пор, такого в моей жизни никогда не случалось. Непривычное чувство. И рёбрам было больно. Сильно ушибла.

- Спасибо, - выдохнул он.

Я неловко отстранилась. Из его наушников слышалась музыка - спокойная, классическая. Абсолютно нетипичная для молодого парня. Как он не мог услышать гудок поезда?

- Ладно, пойду. Мне ещё куртку в порядок приводить.

Я ещё раз отряхнула рукав от прилипшего листа камыша и заковыляла в сторону дома. Хорошо, что сейчас темно и никто не увидит меня в таком виде. Вот была бы потеха завтра утром: весь посёлок говорил бы, что Лея Макарова валяется пьяная по канавам, так же как и её бестолковый дядя.

Но неожиданно вернулась назад к камню. Интересно почему, ноги меня к нему опять потащили? Парень всё ещё стоял на том же месте и смотрел мне вслед стеклянными глазами. Кажется, он всё ещё находился в шоке не меньшем,

чем я.

- Где ты живёшь? - крикнула.

Я что, проводить его до дома собралась?

- У Пятёрочки, через дорогу.

Я непроизвольно присвистнула. Там недавно построили двухэтажный коттедж, и этот пижон там жил, оказывается. Повезло. Я хотела поблагодарить его за оставленные чаевые, но не стала. Мне вдруг стало стыдно, он наверно, уже давно забыл о них.

- А чего так и не переоделся, ходишь весь в краске? Смотри, у нас засмеют, если увидят, что ты не такой как все.

Он молчал, ненадолго отвёл глаза.

Ну что ж, не хочешь, раз такой гордый - не отвечай.

Развернулась и пошла домой.

Глава 6

Полночи отстирывала и зашивала куртку, но всё было напрасно. Серый цвет оказывается такой непрактичный. Теперь она вся в мазуте и криво зашита. Вот невезуха.

Хорошо, что бабушка не увидит. Но дядя Коля сто процентов на меня настучит. Великовозрастный ябеда. Мне повезло, что его не было дома, когда я вернулась. Бабушка спала, и я не стала её будить. Она и так прошлую ночь не спала - сидела в кресле, сторожила своего сына.

Я проверила заначку в книге. Фух, на месте. Но новую

куртку на неё точно не купишь, даже если обыскать весь наш небольшой секунд-хенд.

Завтра выходной. А значит, можно заняться полезными делами дома. После гулянки дяди Коли - гора посуды, рюмок и окурков. Как всегда.

Утром бабушка уже во всю стучала палкой по моим дверям.

- Лейка, - так она меня всегда звала, но я не обижалась. Спасибо ей, что имя мне новое не дала, когда забирала из детдома, а оставила то, что мама при рождении записала. - Есть хочу.

Я протёрла глаза и зевнула. Сильно болел бок, ныло запястье. Подняла футболку - на рёбрах начал проявляться синяк. Этого ещё не хватало. Болит-то как. А дома и лекарств нет. Просить денег - бабушка будет спрашивать зачем. Да и не даст. А тысячу на аптеку тратить жалко: нужна обувь на лето. А это недоразумение само должно пройти.

Пошла умылась и сразу на кухню. Круп никаких нет, пирожки съедены. В кастрюле три ложки капустного супа. Как назло в животе шумно заурчало. Вчера ведь даже не ужинала.

Что же приготовить? Обыскала все шкафчики и холодильник. Ничего нет. Что делать?

- Ба, у нас нет продуктов. Дядя Коля всё вынес.

- Не говори глупостей. Ты сама ничего не купила.

- Надо в магазин идти. У меня нет денег.

- У тебя есть, - бурчала Нина Сергеевна. - Ты мне не всё отдаёшь, я знаю.

Откуда она узнала о моих неожиданных чаевых? Но я должна их сохранить, во что бы то ни стало, не буду же я ходить босиком летом.

- Ба, я всё отдаю. Ты же знаешь.

- Чертовка. Врёшь мне. Готовь, а из чего это меня это не касается. Скоро Коля придёт, ему питаться надо хорошо. У него печень больная.

У меня пустились руки и плечи. Из чего готовить? Кашу из топора, что ли, варить?

Я оделась и хотела спуститься вниз - в надежде, что тётя Лариса из ларька возле дома, даст крупу и хлеб в долг до зарплаты. Как только открыла входную дверь, с ручки на пол упал большой пакет.

Я вздрогнула.

Неужели соседи напротив повесили мусор нам на ручку? Они давно на нас жалуются участковому. Тут же хотела им звонить, но из любопытства заглянула в пакет.

Чего там только не было: и белый хлеб, и масло, и молоко в бутылке, а не в пакете, какое мы обычно покупаем, и яблоки, сахар, макароны и много других продуктов.

Чьё это? Кто оставил? Дядя Коля принёс? Нет, этого не может быть! Он не мог это где-то достать. Он только всё выносит и пропивает.

Тогда кто это принёс? И точно всё это для нас? Но если висело на нашей ручке - значит, нам. Глаза неожиданно наполнились влагой. Столько продуктов я не видела уже очень давно.

Зашла быстро на кухню и начала выкладывать. Там даже была тушёнка и яйца. Что за чудо! От души засмеялась.

- Лейка, что там такое?

- Ба! Ты не представляешь, у нас под дверью был целый пакет с продуктами!

Нина Сергеевна нахмурила брови. Ни капли радости на морщинистом лице.

- Количка принёс. Он говорил мне, что купит.

В этот момент, мы обе знали, что бабушка врёт, мне, но больше всего себе.

- Или ты думаешь, что это твои хахали принесли? Выростила тебя, неблагодарную, теперь ты начала подолом мести.

- Ба, ты что.

Я обиделась на её слова. Но не стала долго печалиться и принялась готовить нам королевский завтрак. Макароны с тушёнкой, пока закипала вода в кастрюле, я успела выпечь яблочных оладий - втайне надеясь, что сейчас не явится дядя Коля и съест всё до крошки.

Отнесла бабушке. Она ела и нахваливала своего щедрого сына. После попросила даже добавки оладий.

- Что жадничаешь? Этому тебя в детдоме научили?

Я сглотнула ком который образовался в горле, но промол-

чала.

Наконец поела сама. Даже не помню, чтобы когда-то у меня было такое приятное ощущение сытости. Румянец мгновенно прилип к щекам. Стало жарко.

Постаралась спрятать остальные продукты, но дядя Коля всё равно их найдёт. В этой квартире, он знает каждый угол, всё обшарено на тысячу раз. Он и в моей комнате постоянный посетитель. Мне становилось неприятно, от ощущения, что он прикасался к моей подушке и одеялу, но ничего не поделаешь.

Кряхтя от постоянной боли в рёбрах я помыла посуду и полы. Съела ещё один оладушек, щедро сдобрив сметаной, но уже боялась, что стошнит от непривычно жирной еды. Бабушка крепко уснула после плотного завтрака. Я укрыла её одеялом и вышла на улицу.

Стояло солнечное воскресенье. Захотелось прогуляться, на сытый желудок даже зашитая и испачканная в мазуте куртка не могла испортить хорошее настроение. Ноги понесли меня к любимым зелёным скамейкам.

И что увидела: там, у клумбы копошился в земле мой вчерашний спасённый парень. Всё в той же чёрной толстовке и с неизменными наушниками на ушах. Он сажал в клумбы цветы. Ими уже сто лет никто не занимался. Перед этим он их аккуратно побелил и притащил свежей земли.

Но до чего же красиво теперь там становилось! Три клумбы с цветами у каждой зелёной скамеечки.

- Привет, - обронила я, закинув руки в карманы.

Парень поднял голову. Даю руку на отсечение - его поджатые губы дрогнули, он что, хотел мне улыбнуться?

- Ты решил весь наш район облагородить?

- Если я могу, то почему бы это не сделать.

И тут у меня промелькнула шальная мысль, которую я даже не позволяла себе допустить. А вдруг, это он принёс нам пакет с продуктами? Я даже не знаю, его имени.

- Помочь? - спросила, приподнимаясь с пятки на носок.

Увидела, что в пакете ещё есть несколько кустиков петуний.

Он задержался на мне взглядом и кивнул:

- Давай.

Я закатала рукава куртки и принялась рассаживать цветы. Ребра ныли, но мне было плевать. Я хотела этим заниматься, спустя минуту, поняла, что это не хитрое занятие приносит мне удовольствие.

Парень предусмотрительно принёс две пятилитровки воды, чтобы в конце полить кустики. Сообразительный, хоть и городской.

Когда всё было окончено, мы поочерёдно помыли руки водой из бутылок. Я вытерла ладони о джинсы. Он повторил за мной.

- Я ведь так и не знаю, как тебя зовут, маляр-садовник.

Невольно улыбнулась - удивляясь, как ловко могла подобрать ему подходящее прозвище.

Он не улыбнулся в ответ. Уставился на меня и несколько раз моргнул, будто о чём-то задумался.

- Макс, - просто кивнул он.

- А я Лея.

Протянула руку, и он её пожал. Сжал не сильно и не слабо, а как надо. У него оказалась, такая приятная тёплая ладонь.

- Я, между прочим, смягчила твоё вчерашнее падение, и у меня синяк теперь на рёбрах.

Хотела задрать куртку и футболку, чтоб продемонстрировать, но вовремя спохватилась. Он чужой человек, нечего ему глазеть на мой худой живот.

Макс испуганно вытаращил на меня свои тёмные блестящие глаза.

- Сильно больно? Блин, если бы я знал заранее, то положил в па... - он не договорил.

- Так это всё-таки ты принёс нам пакет с продуктами?

Он молчал. Не опровергал, но и не соглашался. Что за странный тип?

- Спасибо. Это было очень вовремя, - с трудом призналась я. Как же неприятно о таком говорить. Но правда всегда мне была дороже.

Макс тем временем собрал бутылки из-под воды и пакеты.

- Идём в аптеку. Купим лекарство.

Я неожиданно замерла. Это он правда мне предложил?

Да кто я такая, чтобы отказывать? Охотно кивнула - тем более что он реально мне должен, и этот синяк из-за него. Я

заметила, как он разглядывал ссадину на моей ладони, когда поливал мне на руки воду.

Мы пошли в нашу единственную поселковую аптеку «Здоровье» с горящим зелёным крестом. Макс по дороге выкинул пустые бутылки в мусорный бак и сунул руки в карманы. Музыку в наушниках не включал. Но мы и не разговаривали. О чём нам говорить? Мы случайные незнакомцы.

В аптеке он накупил мне кучу мазей, таблеток, пластырей от ушибов. Я повторяла, что это лишнее. Но не стала пояснять, что дядя Коля всё утащит и пропьёт. Никто не должен выносить сор из избы. Так учила меня бабушка, и я свято чттила наш семейный кодекс.

- У тебя нет другой куртки? - спросил Макс, когда мы вышли.

Клянусь, я никогда так не краснела.

- Нет.

- Идём купим. Я ведь виноват, что она порвалась.

Забрала у него пакет с лекарствами.

- Нет, спасибо. Мази будет достаточно. Я не могу принимать такие подарки от постороннего человека.

Он как-то странно вздохнул, но спорить не стал. Опять поджал губы. А ведь ему так шло, когда линия рта не напряжена.

Мимо нас на новеньком спортивном велике проезжал Миша. Помахал рукой - он совершенно менялся, когда рядом не маячили Лёшка и Стас.

Я кивнула в ответ. Миша притормозил и смерил взглядом Макса. Они явно знали друг друга, потому что поздоровались как знакомые. Тогда почему в кафе совсем не общались?

- Привет, Макс.

- Привет, - обронил тот в ответ.

- А чего это вы тут у аптеки тусуетесь? Ты заболела, Лея?
- Миша перевёл на меня настороженный взгляд. - И что чёрт возьми с твоей курткой?

- Не важно, долго рассказывать, - отмахнулась я.

Неловко было с ним разговаривать. Мы ведь не друзья.

- Ну ладно, - пробормотал Миша, недоверчиво осматривая сначала меня, а потом Макса. - Я очень спешу, меня отец ждёт.

И укатил. Но я заметила, как он четыре раза обернулся.

- Он твой парень? - неожиданно спросил Макс.

Я даже нахмурилась от такого абсурдного вопроса.

- Нет, с чего ты взял?

- Да он всё время крутится рядом. И на джипе тогда вечером, когда они к тебе приставали.

Я резко повернулась.

- Так это ты сзади шёл и камнями шуршал, тогда, после кафе?

Макс промолчал, но я сразу заметила, как покраснели его щёки. Теперь понятно, что мне тогда не показалось. Это он меня провожал, хоть и дистанционно. Что за ерунда? Зачем

это ему?

- А ты давно курить начала? - решил он разбавить тишину, в которой мы шли к моему дому.

- Нет, я так, балуюсь. На сигареты деньги нужны.

- Понятно.

И опять замолчали.

Макс довёл меня почти до самого подъезда. Я заметила, когда мы проходили наши зелёные скамейки, несколько соседей вышли из дома и любовались петуниями. Мне стало приятно, что я хоть немного, но приложила к этому руку. Впервые я делала что-то просто так. Для красоты.

- Вечером не хочешь прогуляться?

Этот приезжий убьёт меня своими неожиданными вопросами.

- Зачем? - воскликнула я.

- Проветрить голову перед сном.

- Не знаю пока, дел много. Вдруг в кафе вызовут на подработку, а я буду не дома и не узнаю, что мне звонили.

- У тебя нет мобильного? И в соцсетях не сидишь?

Отрицательно покачала головой.

- Понятно теперь. Ну тогда, пока.

- Пока.

Я поднялась на ступеньки, и пакет с лекарствами уютно шуршал у меня в руках. Сейчас доберусь до комнаты и обработаю наконец свой бок.

Макс не уходил, пока я не поднялась на пятый этаж. Я за-

чем-то высматривала его в окнах. И только моя тёмная макушка показалась на последнем этаже, он нацепил наушники, запихнул руки в карманы и, повернувшись полосатой зелёной спиной, пошёл прочь.

Глава 7

Утром я поняла, что не в состоянии нормально лежать. Вчера вечером несколько раз обработала бок, но рёбра всё-таки получили слишком сильный удар. Посмотрела в зеркало в ванной, когда встала в туалет. Огромный фиолетовый синяк с желтеющими краями, он занимал почти полпояса. Как я так сильно умудрилась стукнуться?

Не могла глубоко вздохнуть - только бы не перелом. Выпила обезболивающую таблетку и намазала синяк мазью. Она приятно пахла ментолом и немного охлаждала, но от боли не спасала.

Ба уже стучала палкой по извёстке - эх, мне потом опять подметать. Я застонала непроизвольно, когда выходила из ванной.

- Что, лежебока, ты собираешься на работу? У тебя утренняя смена на заводе, ты что, забыла? И чем это так пахнет? Ты что, курила в туалете?

- Нет, ба. Это лекарство. Мазь. Я в школе упала с лестницы и ударила бок.

- Врушка наглая. Подралась с кем-то. Перед работой зай-

ди к Коле. Он вчера вечером не появлялся, я всю ночь переживала. И есть хочу. Неси.

Нина Сергеевна быстро отвернулась, так что, её седые волосы выбились из-под платка и побрела к своему креслу.

Я вздохнула и тут же охнула от боли. Неужели там правда перелом? Ведь я теперь не смогу быстро фасовать эти крысиные пельмени! И начальница, Юлия Михайловна, будет мной не довольна.

Вот что значит доброта: помогла человеку, а теперь сама страдаю. Не делай добра - не получишь зла, как всегда говорила ба.

С трудом переоделась, приготовила бабушке завтрак - кашу и хлеб с маслом. Дядя Коля не приходил, так что продукты остались, жить можно. Собралась на работу пораньше, пока дойду. Да, и надо ещё заглянуть к дяде. Хотя бы он там окочурился.

Ох, нет! Никогда я так не должна думать. Какой же всё-таки я злой человек: если мне сейчас плохо, я не могу из-за этого сердиться на семью.

Еле обула ботинки и пошла к дому дяди Коли - он жил всего в шести минутах от нас. Глаза зацепились за зелёные скамейки и клумбы. На душе стало немного приятнее: скамейки подсохли и там уже сидели две старушки, о чём-то оживлённо разговаривали.

Часть диалога я уловила:

- А он-то оказывается родной ему сын, вот он и забрал

мальчонку к себе в Америку. А жена-то, жена - вот змея. И сам дом построил... образованный.

Дальше уже не слышала.

Ключа от квартиры дяди Коли у меня не было. Он не доверял: говорил, что я у него что-нибудь стащу. Постучала в дверь. Звонок с корнем вырван, дверь обшарпанная и позорная - самая плохая на лестничной клетке.

Дядя не открывал. Постучала ещё раз. Неужели напился и крепко спит? Дёрнула ручку - конечно, оказалась незапертой.

Приоткрыла дверь на щёлку. В нос сразу ударил запах алкоголя, сигарет и затхлости. Услышала пение. Тихо прошла в квартиру и увидела: он в обнимку с очень лохматой женщиной лежит на кровати, почти раздетый, и поёт ей пьяным голосом.

Всё у него хорошо, даже очень. Обстановка желала бы лучшего: полупустая грязная квартира, всё хорошее он давно продал и пропил, везде валялись окурки и пустые бутылки. Как квартира ещё не загорелась от такого количества спиртного и дыма?

Больше я не могла там находиться и быстро ушла. На улице со стоном боли вздохнула чистый воздух. Вот же непутёвый человек. И откуда у него столько здоровья, чтобы так пить? И что это за новая женщина? Он уже несколько раз приводил к нам своих сожительниц. Но эту я, по-моему, раньше не видела.

Чёрт с ним, я ведь спешу на работу. За полчаса точно не успею дойти. Вот беда - штраф припаяют, а как потом доказать бабушке, что это вся моя зарплата до копейки?

По пути, возле меня остановился серебристый «Ниссан». Это Миша.

- Привет. Ты куда?

- Привет. На завод, немного спешу, извини.

- Давай подвезу?

Думала я недолго и с трудом согнувшись села на переднее сидение. Всего второй раз в жизни я ехала в машине. Первый - когда меня везли с бабушкой из детдома. А этот второй. Как же классно и быстро оказывается можно передвигаться.

Миша умело вёл машину, и я перестала судорожно сжимать ручку двери.

- Спасибо, очень выручил.

- Пожалуйста. У тебя всё хорошо? От тебя пахнет алкоголем и сигаретами.

Я затушевалась. Ведь только что вышла из вонючей дядиной квартиры, и, видимо, запах был такой едкий, что въелся в волосы и одежду. Осторожно понюхала свою косичку. Правда воняет, как от помойки.

- Останови, пожалуйста, я выйду. Не хочу испачкать твою машину.

Миша перехватил моё запястье, когда я потянулась к ручке, чтоб открыть дверцу.

- Сиди. Ещё не приехали.

Я повиновлась. Мне хоть и было сейчас дико стыдно, но штрафа я опасалась больше. Я не могла заработать меньше денег, чем в прошлом месяце. Ба будет сердиться.

Миша иногда на меня косился взглядом и вздыхал. Что же творится в голове у этого красивого парня? Неужели нет в нашем посёлке нормальных девчонок? В крайнем случае можно в городе поискать - у него ведь машина есть.

- Тебя всё-таки не было в субботу в клубе.

- Ты же знаешь, я не хожу.

- Да, всё знаю. Ждал тебя до часу.

Я заметила, как он чуть сильнее сжал руль, а сама высчитывала в голове, сколько нам осталось ехать до завода. Миша ехал медленнее, как мне показалось, чем мог.

- Спасибо, - я неловко вылезла из машины. И тут же схватилась за бок - резкая боль.

- Что там?

- Ничего. Пока, Миш. Ещё раз спасибо. И извини, что от меня так пахло. Так не всегда бывает...

Я не могла больше говорить и закрыла дверь. Рыдания подкатывали к горлу, и я не понимала почему - то ли из-за боли, то ли из-за стыда. И зачем я только зашла в эту вонючую квартиру дяди Коли.

На работу успела вовремя, даже с небольшим запасом. Это давало возможность переодеться в рабочий халат и шапочку. Начальница подозрительно меня оглядела.

- Макарова, кто это тебя привёз сегодня?

- Одноклассник, Юлия Михайловна. Точнее бывший одноклассник. Я немного опаздывала, вот он и выручил.

- Всё понятно.

Юлия Михайловна была главной разведённой сплетницей нашего завода и я очень боялась доставить Мише неприятности.

- Ты что держишься за бок?

- Ушибла немного. - Отмахнулась. - Не болит почти.

Я лгала как могла. Болело просто смертельно. Сжимала губы и вытирала пот со лба. Женщины, которые стояли рядом со мной на фасовке, поглядывали с подозрением. Тётя Валя, несколько раз подходила спросила, что со мной.

А для меня даже килограммовая пачка этих крысиных пельменей была невероятно тяжёлой.

Да что же это?

Я отработала смену до обеда, очень стойко. Но во время перерыва, не полез в горло даже кефир. Меня тошнило.

- Макарова, ты какая-то вся зелёная. Ты не беременна случайно? - спросила Юлия Михайловна. Она как всегда всё видела и замечала.

- Нет, конечно.

Я энергично помотала головой.

- Смотри у меня. Недавно Савина ушла в декрет, работать некому.

- Всё поняла.

Работа после обеда приносила настоящую адскую боль. И

в конечном счёте у меня перед глазами всё потемнело, и я шлёпнулась в обморок.

Впервые за все свои двадцать пять лет.

Глава 8

Я очнулась от укола в руку. Больно и неосторожно его поставила мне медсестра в медпункте нашего завода. Вот садистка! Чуть вену не порвала. Или у меня просто такая тонкая кожа?

Задрала мне рабочую рубашку и тут же обнаружила мой огромный синяк.

- Ты нормальная, Макарова?

- Вроде да.

- Нет, уже точно нет. У тебя ребра сломаны. Совсем мозгов нет? Лежи. Сейчас скорая приедет.

- Нет, нет, мне нельзя в больницу!

- А вот это уже не тебе решать, милочка. Теперь вся ответственность за твоё здоровье, на заводе лежит. И работать тебе в таком состоянии нельзя. - Она встала и подошла к окну. - Макарова, когда это ты успела нахватать себе столько ухаёров? Под окнами целых три машины стоят, тебя всё высматривают. Юлия Михайловна к ним выходила, только в скорую позвонили - эти твои ребята всё прознали и вон, тут как тут.

Я хотела встать, но она силой меня остановила.

- Ты что, дурочка? Тебя на носилках вынесут. Нельзя двигаться. Такая худенькая, питаешься видать совсем плохо.

- Упала я. Неудачно.

- Всё понятно. Месяц минимум на больничном будешь. Вот и отдохнёшь на славу. Юлия Михайловна не в восторге, конечно.

- Нет, я не могу, ехать в больницу. У меня бабушка слепая одна дома.

- Ну тут я тебе уже ничем не могу помочь. Вон сколько у тебя поклонников - как-нибудь выйдешь из положения.

Да про кого она всё время говорит? Думала я, но не могла подняться, чтобы посмотреть в окно. Всё-таки перелом. И как ба без меня справится? Коля ушёл в любовный загул и теперь долго не появится. Бабушка умрёт от голода, и я буду всю жизнь себя винить.

Злые слёзы потекли из глаз. Чёртовы рёбра, чёртов Макс, и угораздило меня так вляпаться. У меня и денег-то нет на больницу. Только тысяча в записке, но её никак не взять - она дома, в книжке.

Зашли двое крепких санитаров с носилками и врач.

- Травма на производстве? - спросила она, оглядывая медпункт.

- Нет! - воскликнула я. - На выходном упала. Сама виновата.

Врач вздохнула и опустила мою рабочую рубашку, чтоб не смущать девичьим голым животом медбратьев. Они ловко

уложили меня на носилки и понесли.

До чего же глупо я себя чувствовала. Молодая, сильная, здоровая (почти) девчонка лежит на носилках как какая-то безвольная кукла. Позор, сказала бы моя бабушка.

Мне едва удалось разглядеть, что за машины стояли возле ворот завода. Мишин серебристый «Ниссан». Джип Лёхи - а он что здесь делает? И чёрная неизвестная мне, но неприлично дорогая иномарка. Водителя разглядеть не удалось: лобовое стекло оказалось сильно затонировано. Может, какой-то кредитор? Но я никому не должна денег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.